

Суичимез А. А.,
аспірант

Измаильского государственного гуманитарного университета

ПРЕДМЕТНЫЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РАННИХ ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения предметных образов открытого пространства в драматургическом пространстве ранних пьес А.Н. Островского. Посредством выявления основных сегментов, составляющих драматургическое пространство, обоснована многофункциональность вещи в эстетическом мире писателя; рассматриваются социокультурная, характерологическая и сюжетная функция предметов.

Ключевые слова: топос, локус, глаголы темпоральности, предметные экспликативы.

Постановка проблемы. До настоящего времени вопрос о художественной значимости пространственных образов в драматургии А.Н. Островского практически не изучался. В изучении пространственных образов драматургического произведения необходимо дифференцировать понятия «топос» и «локус». Под *топосом* в современном литературоведении понимается значительное «место разворачивания смыслов, коррелирующее с каким-либо фрагментом реального открытого пространства» [1, с. 89]. К нему зачастую относят *степь, реку, дорогу*. Имманентное свойство *топоса* состоит в его разомкнутости, в возможности выхода за рамки определенной территории, а также устремленности в будущее. Представляя собой емкое и сложное явление, топос состоит из множества различных локальных координат – *локусов*. Последние представляют замкнутое пространство, которое имеет свои установленные границы, то есть находится «между точкой и бесконечностью» [2, с. 112]. Замкнутое пространство может состоять из больших локусов (*страна, город*) и подлокусов (*усадебя, дом, комната*). Между этими пространственными категориями устанавливается особый тип отношений, выстроенных по принципу общее – частное.

Предметные экспликативы художественного пространства в драматургических произведениях имеют свою специфику. Наряду с предметными сегментами микромира они входят в структуру «внесценических компонентов» [3, с. 36]. Преимущественно «внесценические компоненты» локализованы в реальности, которая «разворачивается и существует вне поля зрения» читателей и зрителей [4, с. 36]. Обозначаясь в тексте с помощью лишь одного слова (этнонима, урбанонима и другие), открытый тип пространства требует от читателя активизации творческого воображения, способного представить пространство, находящееся за пределами сцены. Такое сочетание театрального и сценического пространства способствует расширению собственно пространства пьесы: «Создаваемый мир как бы не вмещается на сцену и поэтому не ограничивается ею» [5, с. 186].

Преимущественно, ведущие современные литературоведы творчества драматурга (А.И. Журавлева, И.А. Овчинина, А.В. Коробов, А.Ю. Садофьева и многие другие)

рассматривают раннее творчество писателя сквозь призму его бытового звучания [6; 7; 8; 9]. А.П. Скафтымов отмечает: «Все образы людей, типы и характеры всегда давались как бытовые фигуры, то есть как что-то установившееся, давнее, привычное и характерное для общего обихода жизни данной среды» [10, с. 10].

Недостаточная степень исследования вещных экспликативов открытого пространства обуславливает актуальность данной статьи, **цель** которой – осмыслить художественную значимость пространственных сегментов на материале ранних пьес А.Н. Островского («Свои люди – сочтемся!», «Семейная картина», «Неожиданный случай» и «Утро молодого человека»).

Изложение основного материала исследования. Осваивая пространство, соседнее со сценой, А.Н. Островский наполняет его предметными образами, связанными с локусом города и его частными подлокусами. Эти пространственные номинации выполняют в пьесах драматурга важную социокультурную, характерологическую и сюжетную функцию. Рассмотрим их подробнее.

Центральным локусом в драматургии А.Н. Островского является *Замоскворечье* – часть города, находящаяся по ту сторону Москвы-реки. Под городским локусом подразумевается комплекс архитектурных строений, географических мест, которые «воплощают авторскую модель городского бытия как специфического феномена культуры» [11, с. 65]. Отметим, что писатели натуральной школы в своих физиологиях изображали персонажей на фоне панорамы города Москвы или Петербурга. А.Н. Островский, родившийся в Москве на Малой Ордынке и являющийся свидетелем многих его культурных преобразований, запечатлевает этот город в своих ранних пьесах.

Являясь составной частью художественной системы А.Н. Островского, Замоскворечье становится образом, к которому писатель испытывал особое чувство: «Здесь любили говорить о варке варенья и солке огурцов, ставили на окна бутылки с настойкой, заготавливали впрок солонину, покупали годовые запасы рыбы, меду и капусты. Здесь степенно беседовали за кипящим самоваром или стаканчиком «пунштика» бородатые купцы. Здесь их молодые жены и дочери выглядывали на улицу из-за коленкорových занавесок, мечтая о «галантерейных» кавалерах. Здесь почта была великой редкостью, и солдата-инвалида, разнесившего письма, пугались, как неожиданной беды. Здесь люди добродетельные чай пили только с медом да с изюмом, экономя дорогой сахар. Здесь от всех болезней лечились банькой да полуштофом ерофеича, настоящего на красном перце. Здесь из дома в дом ходили свахи, краснорасписывая достоинства женихов. Здесь по праздникам ходили в церковь, пекли пироги, ужинали «туго-натуго», рано ложились спать» [12, с. 21].

Опираясь на традиции натуральной школы, А.Н. Островский использует принцип структурной организации произведений, называемый

Ю.В. Манном «локализацией», под которой подразумевается изображение «какой-либо определенной части города, района, общественного заведения, дома» [13, с. 107]. У А.Н. Островского такой географической частью города является Замоскворечья – замкнутый купечески уголок города, удаленный от старой, коренной Москвы.

В ранних пьесах А.Н. Островского пространственная среда Замоскворечья относится к типу публичного торгового пространства, в котором «каждый должен был уметь показать, чем он выбивается из непосредственности, чем он на деле в своей незаменимости является» [14].

Основными предметными экспликаторами замоскворецкого локуса, в которых проходит деловая жизнь купечества, выступают *фабрики, магазины, лавки, трактиры*. С их помощью формируются социальные и культурные представления о русском купечестве. Например, у купца Ширялова имеется *лавка*, у его друга «*фабрика на горodu где-то*»; Большов – владелец нескольких *лавок* и собственного *магазина*.

Воссоздавая картину промышленного рынка русского купечества, драматург перечисляет широкий ассортимент различных товаров и услуг, акцентирует внимание на торговых операциях, связанных преимущественно с продажей тканей. Островский разоблачает в своих пьесах купеческую недобросовестность в коммерческой деятельности.

В пьесе «Семейная картина» купец Ширялов учит приказчиков, «*как торговать-то следует*»: из его слов выясняется, что необходимо «с помощью лукавства сбывать ненужную материю, которая *может быть сгнила давно*» [15, с. 80–81]. Особое внимание уделено и описанию предпринимательской деятельности Самсона Силича Большова, который в городе с кредиторами торгуется, получает барыши [15, с. 102] от ловких и надувательских продаж.

Выделенные предметные образы пространства Замоскворечья позволяют охарактеризовать его как особый замкнутый локус торгового купечества, постепенно суживающегося в рамках пьесы до усадьбы, дома и комнат. Они выполняют в тексте как социальную, так и психологическую функции. В пьесе «Свои люди – сочтемся!» вначале Большов со своей семьей живет в двухэтажном особняке с огромной парадной лестницей, по которой «*насилу вползешь*» [15, с. 92]. Парадная лестница в пьесе является показателем материального благополучия купеческой семьи Замоскворечья. К его дому прилегает большая территория (*мостовая, калитка, двор*), которая также является индикатором их социального статуса. Постепенно акцент переносится во внутреннюю часть дома, состоящую из рабочего кабинета, контор, гостиной, столовой. Основным местом, в котором происходят все события, является гостиная.

Особое место в системе предметного макромира ранней драматургии А.Н. Островского принадлежит медиативным или пограничным пространственным образам, осуществляющих переход из замкнутого пространства в разомкнутое. Они выступают дополнительным психологическим средством, маркирующим нравственную сторону жизни купеческой молодежи. Установлено, что доминантным параметром при описании пространствен-

ных образов-делимитаторов выступает концепт свобода. Стремление нуворишей-купцов к ее обретению обусловлено их желанием приобщиться к европейскому образу жизни, носителями которого являются дворяне.

В этом смысле особый интерес представляет окно, которое в ранней драматургии А.Н. Островского передает устремленность персонажей к новой жизни. Возле окна драматург показывает Липочку, которая мечтает о военных и о лучшей жизни: «*сидит у окна с книгой*» [15, с. 86]. Главная героиня из пьесы «Семейная картина» (Марья Антиповна) также радуется каждой возможности посмотреть в окно и приобщиться к внешнему миру. Наблюдая за улицей, за свободной и веселой жизнью, девушка восклицает: «*Что ж, пожалуй, не пускайте! Запирайте на замок! Тиранствуйте!*» [15, с. 66].

Эти внутренние порывы молодого поколения из-под родительской опеки порождает в пьесах мотив бегства, предметными экспликаторами которого являются транспортные средства передвижения. Так формируется важная антиномическая оппозиция «Дом-Путь», расширяющая драматургическое пространство в ранних пьесах А.Н. Островского.

Предметными образами дороги как открытого пространства выступают в тексте *лошадь, бричка, экипаж*. Зачастую они упоминаются в монологах и диалогах персонажей, из которых становится известно, что сын Ширялова спустил все отцовское состояние на дородных *лошадях*; молодые купчихи засматриваются на молодых офицеров, проезжающих *верхом* мимо их дома. Новоиспеченная пара Липочки и Подхалюзина также предпочитает выезжать в свет в щегольском экипаже:

«*Олимпиада Самсоновна. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.*

Подхалюзин. Как же, Олимпиада Самсоновна-с! Надать купить, надать-с....Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра» [15, с. 139].

Пространственные образы пути маркированы в пьесах с помощью различных лексических средств, также являющихся в ранних пьесах А.Н. Островского средством репрезентации психологического состояния персонажей. Современный исследователь М. Бирни, изучая основные формально-семантические средства выражения локативной семантики, выделяет 2 основные группы: глагольная лексика статической либо динамической семантики. «Языковые формации, содержащиеся в своей семантической структуре сему движения, реализуют динамический аспект семантики перемещения в пространстве и определяют данное пространство как открытое» [16, с. 78]. К основным вербальным формам с локативной семантикой, имплицитно открытое пространство в пьесах А.Н. Островского, следует отнести глаголы *ездить* и *возить*, которые часто встречаются в диалогах Марьи Антиповны и Матрены Савишны, готовящихся к выезду в Москву:

«*Дарья. А говорили-то (женихи), сударыня ты моя, чтобы непременно, говорит, нынче в Останкино приезжали <...> чтобы непременно приезжали, хоть и дождик будет, все бы приезжали.*

Марья Антиповна. Что ж, сестрица, поедемте!» [15, с. 67].

Подчеркнем, что лексика, соотносимая с концептом движение, иллюстрирует внутреннюю и внешнюю динамичность героев вперед, благодаря чему драматургическое пространство как бы расширяется. Преодолевая границы Замоскворечья, А.Н. Островский включает в драматургическое пространство своих пьес московские локусы (*Сокольники, Кузнецкий мост, Каретный Ряд, Балчуг, ресторан «Шевалье», Воспитательный Дом, пансионаты, Городская дума* и другие), встречающихся в разговорах, наблюдениях и мечтах младшего поколения купечества. Так, Марья Антиповна и Матрена Савишна втайне от Пузатова намереваются посетить *Останкино* [15, с. 67], парк Замоскворечья, в котором собирается вся знатная молодежь начала XIX века; Липочка тоже мечтает щегольнуть своими танцевальными навыками в *купеческом Собрании* [15, с. 86]; Недопекин часто ездит в городские *трактиры, Марьяну роу* [15, с. 162].

Предметные изотопии города Москвы тесно связаны с главными сюжетными элементами пьес. Мотив бегства здесь рассматривается как лейтмотив ранней драматургии А.Н. Островского, влияющий на ее сюжетное развитие. В рамках первой пьесы «Семейная картина» предметные образы пространства упоминаются в речи молодых купцов, которые мысленно подготавливают себя к побегу.

«Мы с сестрицей отпросимся ко всенощной в монастырь, разоденемся, а сами в Парк отличимся либо в Сокольники» [15, с. 66], – размышляет Марья Антиповна.

Эта «картина» становится своеобразным прологом к следующей комедии писателя «Свои люди – сочтемся!». Главной героине пьесы удается оставить родительский дом в Замоскворечье и вместе с супругом приобрести особняк в одном из центральных московских районов. Располагая желаемой свободой, молодая чета планирует провести свое досуговое время в самых уважаемых местах.

«Олимпиада Самсоновна. ... вот бы мы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедем-с: и в Парк поедем-с в воскресенье» [15, с. 139]. В «Утре молодого человека» и «Неожиданном случае», в отличие от двух предыдущих пьес, герои уже находятся на территории Москвы с самого начала.

Выводы. Итак, резюмируем, что в пьесах драматурга доминантным пространственным образом становится расширенный локус *Замоскворечья*, состоящий из предметных *микролокусов фабрик, магазинов, лавок, трактиров, усадеб, дома и комнаты*. К особому медиативному знаку, организующему «выход» героев за пределы дома, принадлежит окно. Предметными экспликаторами *дороги* как топоса выступают в тексте *лошадь, бричка, экипаж*. Все перечисленные предметные сегменты драматургического пространства А.Н. Островского выполняют в пьесах социокультурную, характерологическую и сюжетную функции.

Литература:

1. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы / В.Ю. Прокофьева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 11. – С. 87–94.

2. Суботина Т.В. Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий / Т.В. Суботина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – С. 111–123.
3. Пави П. Словарь театра / П. Пави. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
4. Виноградова Е.А. Внесценические компоненты в драматургии Чехова: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Е.А. Виноградова. – Иваново, 2012. – 23 с.
5. Сафронова Л.А. Российский феатрон: Московский любительский театр в XVIII в. / Л.А. Сафронова. – М.: «Индрик», 2007. – 447 с.
6. Журавлева А.И. А.Н. Островский-комедиограф / А.И. Журавлева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 216 с.
7. Овчинина А.И. Этапы творчества А.Н. Островского: эстетика национального быта и характера: дис. ... докт. филол. наук / А.И. Овчинина. – М., 2002. – 356 с.
8. Коробов А.В. Социокультурная функция костюма XIX века в пьесах А.Н. Островского: автореф. ... канд. культур. Наук / А.В. Коробов. – Шуя, 2012. – 22 с.
9. Садофьева А.И. Культурно-бытовые детали художественного текста в сопоставительном изучении: на материале английских переводов произведений Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Островского: дис. ... канд. филол. наук / А.И. Садофьева. – М., 2009. – 171 с.
10. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках / А.П. Скафтымов. – М.: Художественная литература. – 1972. – С. 457–527.
11. Юденкова А.В. Исследование топоса Петербурга в творчестве Н.В. Гоголя (на материале «Петербургских повестей») / А.В. Юденкова // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія «Лінгвістика і літературознавство»: міжвуз. зб. наук. ст. – 2010. – Вип. XXIII. – Ч. 1. – С. 64–72.
12. Лакшин В.Я. А.Н. Островский. Полн. собр. соч. / В.Я. Лакшин. – М.: Искусство, 1973. – 475 с.
13. Поэтика русской литературы. К 70-летию профессора Юрия Владимировича Манна: сборник статей. – М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2001. – 366 с.
14. Арндт Х. Vita Activa или о деятельной жизни / Х. Арндт. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
15. Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / А.Н. Островский. – М.: Искусство, 1973. – Т. 1. – 1973. – 587 с.
16. Бирни М. Языковые средства формирования и выражения пространства в рассказе И. Бунина «Господин их Сан-Франциско» / М. Бирни // Vilnaus pedagoginis universitates. – Vilnius. – S. 78.

Суїчимез А. О. Наочні експлікатори драматургічного простору в ранніх п'єсах О. М. Островського

Анотація. Стаття присвячена проблемі вивчення наочних образів відкритого простору в драматургічному просторі ранніх п'єс О.М. Островського. За допомогою виявлення основних сегментів обґрунтована багатофункціональність речі в естетичному світі письменника; розглядаються соціокультурна, характерологічна та сюжетна функція предметів.

Ключові слова: топос, локус, дієслова темпоральності, предметні експлікатори.

Syichimez A. The material subjects of the dramaturgic space in the early plays of A. N. Ostrovsky

Summary. The article is devoted to the problem of the study of the subject means of the open-space in the dramaturgic space of early plays of A.N. Ostrovsky. The basic objects that constitute the dramaturgic space fulfill the social-cultural characteristic and plot functions in the plays.

Key words: topos, locus, temporal verbs, material objects.